

УДК 332.1

Евстафьев Д. Г.

Глобализация и новые цивилизационные разломы: риски и перспективы для России и Евразии

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет “Высшая школа экономики”», Департамент интегрированных коммуникаций Факультета коммуникаций медиа и дизайна г. Москва
e-mail: estd1212@yandex.ru

Аннотация. Торможение глобализационных процессов, в особенности в сфере выравнивания социальных стандартов создает условия для новой актуализации цивилизационных противоречий. Преждевременно говорить о формировании полноценных цивилизационных разломов, но их линии уже намечаются. Гражданская война в Сирии существенно ускорила процесс формирования этих расколов и показала механизмы их формирования. Это напрямую затрагивает проблематику развития Новой Евразии. Структура и механизмы развития этих проторазломов существенно отличаются от моделей, ранее описывавшихся в фундаментальных исследованиях. Они включают в себя, в том числе, и значимые компоненты, порожденные современным состоянием мировой политической и экономической системы. Главным фактором в развитии цивилизационных проторазломов становится изменение характера социальных институтов и социальных связей. Этот аспект исключительно важен для интересов и безопасности России и благоприятного развития социально-политических процессов в Евразии.

Ключевые слова: цивилизационный разлом, военно-политические процессы, кросс-культурное взаимодействие, социальный институт, Евразия, социальная архаизация, интеграционные процессы.

Введение

Кризис глобализации и невозможность перераспределения глобализационных «рент» в прежнем масштабе вызывает не только постепенную ре-актуализацию классических цивилизационных разломов, но и возникновение новых очагов напряженности. Интернационализированная гражданская война в Сирии и Ираке (регион «Большого Леванта») может рассматриваться в качестве *первого значимого военного конфликта эпохи тормозящей глобализации*, по своим последствиям, затронувшего страны, находящиеся далеко от первоначального очага конфликта, протемонстрировав полноценный потенциал «воронки» разлома, где наблюдались явные сбои классического рационалистического и экономизированного принципа принятия решений. В этом смысле гражданская война в Сирии и Ираке (особенно периода 2014-2017 годов), ее ход и последствия принципиально отличались от ситуации начальных фаз «арабской весны» (2009-2014 года), происходивших на «инерционной» фазе социальной глобализации и отражали ослабевающие, но все еще актуальные парадигмы предыдущей исторической и социально-экономической эпохи.

Конец мирового порядка, под которым понимается конец сбалансированного развития экономической и политической глобализации и возможность появления в

системе глобальной политики асимметрий, приводящих к локальной политической и экономической хаотизации. Вопрос в данном случае стоит не столько в возникновении анархии, сколько в кардинальном сокращении возможностей управляемости политическими процессами, что отражает изменение пространства мировой экономики и политики в сторону большей дисперсности и политической атомизации.

Социальная глобализация во многом была и результатом, и продуктом перераспределения различных «рент», взимаемых «развитыми» странами и их экономическими субъектами (транснациональными компаниями и глобальными социальными структурами, например, правозащитниками или экологами) через постиндустриальные форматы политических и экономических взаимоотношений с «развивающимися». Справедливо сказать, что глобализация была системой «множащихся рент», взимаемых и уплачивавшихся, зачастую, «по умолчанию», что приводило на практике не к сокращению социальных разрывов, а к консервации асимметричных социально-экономических отношений.

Система экономической, социальной и политической глобализации, построенная по умолчанию на принципе стандартизации и сетевизации, оказалась неспособна к дальнейшему гибкому абсорбированию нарастания социального, экономического и этно-религиозного многообразия, обострившегося в условиях нехватки ресурсов для догоняющей социальной глобализации и стандартизации. В этих условиях иницилирующим фактором актуализации и формирования новых «разломов» будут, прежде всего, социально-экономические факторы, дополненные, вероятно, информационно-политическими манипуляциями.

Ключевой тенденцией, характеризующей современные процессы глобализации, вероятно, может стать метафора, употребленная крупным западным социологом Джоном Урри. Говоря о развитии глобализации, Урри отметил трансформацию единого процесса формирования глобального общества в систему качественно различных, хотя и связанных между собой уровней глобализации. Что при усложнении социально-экономической обстановки на глобальном уровне или социально-политической ситуации на региональном или трансрегиональном уровне, возникают опасные асимметрии развития, стимулирующие проявления социально-политических противоречий, трансформирующихся в межцивилизационные, то есть приобретающие существенно большую устойчивость, а в ряде случаев, институционализацию (социокультурную, реже – политическую). Современная глобальная политическая и экономическая ситуация характеризуется, как минимум временным нарастанием подобных асимметрий и распадом глобального политического и экономического «мейстрима», то есть, комплекса операционных и коммуникационных индикаторов, обозначающих общепринятые направления развития по ключевым направлениям.

Уточнение понятий

Формирующиеся «разломы» (проторазломы) существенным образом отличаются от тех разломов, с которыми мир сталкивался в XIX и XX веке, носивших по преимуществу этно-религиозный характер. Современные цивилизационные проторазломы в гораздо большей степени отражают состояние социально-экономических процессов в соответствующих регионах, особенности практической геополитики и ограниченность возможностей крупнейших мировых держав оказывать влияние на глобальные процессы.

Попытки преодоления этих «разломов» за счет формирования регионов продуктивного и экономического осмысленного взаимодействия на стыках

цивилизационных «платформ» (наиболее известной является модель «еврорегионов», активно промотированная и для постсоветского пространства), конечно дали определенный результат, для сдерживания потенциальных конфликтов, особенно, по сравнению с первоначальными негативными прогнозами. Конечно, такие модели имели ощутимые региональные и локальные последствия, связанные с вовлечением, порой, «явочным порядком», «регионов взаимодействия» в орбиту крупнейших глобальных центров экономической мощи, прежде всего, ЕС и Китая (классический пример такого эффекта «еврорегион Неман»).

Но подобные форматы взаимодействия могли эффективно развиваться только в условиях устойчивого среднесрочного глобального экономического роста и стабильности политических отношений. В состоянии экономической стагнации или возникновения значимых политических рисков, «еврорегионы», как и большинство иных форматов взаимодействия на стыках цивилизационных ареалов теряют свою эффективность. А в ряде случаев, при появлении в системе противоречий значимого военно-силового компонента, трансформируются в источник дестабилизации, как это произошло в середине 1970-х годов с Ливаном игравшим тогда роль важнейшего пространства межцивилизационного экономического и кросс-культурного взаимодействия. Отметим и относительную легкость и быстроту интернационализации конфликтов в пространствах межцивилизационного взаимодействия.

Торможение глобализации и, прежде всего, социальной глобализации требует пересмотра концепции «плоского мира». Эта концепция стала результатом абсолютизации воздействия на глобальные процессы новых информационных технологий и новых технологий экономического управления («глобализация менеджмента»). Де-актуализация «плоского мира» создает определенный «управленческий вызов» и для Новой Евразии, где в последние десятилетия существенные усилия были потрачены на внедрение в управленческие практики такого подхода. Принципы «плоского мира» утрачивают эффективность, когда операционное пространство начнет приобретать «кривизну».

Сейчас вряд ли можно в полной мере говорить о полностью сформированной системе «разломов». Скорее, мы сталкиваемся с некими «намечами» на разлом. Поэтому, для сохранения методологической корректности в работе будет употребляться термин «цивилизационный проторазлом», обозначающий потенциальную возможность кристаллизации долгосрочных цивилизационных противоречий. В то же время, мы должны понимать, что переход от фазы «проторазлома», т.е. обозначенных, но управляемых системных, непреодолимых противоречий, к фазе полноценного «разлома», как неуправляемого конфронтационного взаимодействия, может произойти в сравнительно короткие сроки, хотя и не мгновенно.

Понятие «разлом», вероятно, следует определить, как:

Возникновение исторически устойчивой системы противоречий, затрагивающей межэтнические, межрелигиозные и межнациональные отношения в одном или более исторических сложившихся и/или экономически обусловленных регионах, формирующей устойчиво конфликтные отношения между ключевыми участниками политических и социальных процессов, не могущие быть разрешенными разрешены или стабилизированы в рамках текущих политических процессов и институтов.

Принципиальная идея С. Хантингтона, сводящаяся к отсутствию у «цивилизаций» (неформализуемых в рамках экономической и/или политической методологии общностей, проявляющихся в социальной деятельности) твердых границ, что приводит к возникновению между ними зон активного соприкосновения и конкуренции, порождающих социальную и этно-конфессиональную напряженность вплоть до

военного столкновения, сохраняет актуальность. Для постсоветской Евразии эта ситуация обостряется еще и флюидными этнополитическими процессами, потенциалом этнической и субэтнической трансформации и отсутствием референтной кросс-культурности в политическом поведении. Большинство ситуаций межцивилизационного взаимодействия не только на постсоветском пространстве, но и в мире не может быть описано только в терминах «столкновения цивилизаций» и/или «цивилизационного разлома». Межцивилизационное взаимодействие в современном мире тормозящей глобализации развивается по более сложным, промежуточным моделям.

Термин «проторазлом» был введен автором в 2016 году в ходе ежегодной прогностической конференции в Усть-Качке, посвященной отработке вопросов сценарного прогноза и планирования для Пермского края и России в целом 27-29 мая 2016 года. Проторазлом как социально-политическое и цивилизационное явление понимается как:

Пространство активного и потенциально конфликтного взаимодействия нескольких цивилизационных пространств, в устойчивой ситуации развивающееся по модели «сотрудничество-конкуренция» на основе, как правило стихийной бытовой или социально-экономической кросс-культурности (иногда с возникновением специфических институтов взаимодействия), однако является уязвимым в случае неблагоприятного социально-экономического или политического воздействия.

Проторазлом является точкой соприкосновения двух и более социокультурных парадигм развития, имеющих социально-экономическую, как правило, рефлексию и политические проявления, где возможно перерастание противоречий в политико-силовое русло (конфликт межконфессионального и/или межэтнического характера). Этот транзит может сдерживаться за счет институциональных факторов и социально-экономических действий на межгосударственном уровне. Проторазлом – это всегда и везде – отложенный конфликт с неясным на текущий момент времени вектором развития, а иногда и участниками, имеющий потенциал дестабилизации за счет внутренних и внешних факторов и обстоятельств. Проторазлом никогда не проявляется только в культурно-конфессиональных или социально-экономических формах, он носит комплексный характер, а характер приоритетных факторов развития флюиден и зависит во многом от внешних условий и обстоятельств.

Результаты и обсуждения

Локализация глобально значимых цивилизационных проторазломов

Ключевым для развития современной системы международных политических и экономических отношений является актуализированный ныне применительно к новым социальным, политическим и логистическим условиям классический для середины XX века цивилизационный разлом Восточного Средиземноморья, в последние несколько лет фокусировавшийся в рамках войны в Сирии. Данный цивилизационный разлом развивался и развивается в значительной мере автономно от т.н. «арабской весны» и носит существенно более глубокий характер. Этот разлом качественно «фрагментировался», превратившись во множественную полосу нестабильности, где два «очага («зона Сирия-Ирак-Турция» и блуждающий «миграционный очаг нестабильности» на территории Южной и Юго-Западной Европы) могут быть отнесены к «цивилизационным». Но ни ситуация в южной оконечности Аравийского полуострова (внутриисламский конфликт со значительным уровнем интернационализации), ни ситуация в Египте (социально-экономическое противостояние на фоне борьбы за логистически значимую территорию) классическими цивилизационными конфликтами

не являются. Что показывает возможность качественной дифференциации конфликтных узлов внутри общей полосы конфликта, связанной с асимметрией развития конфликтных отношений внутри «разлома» и разновекторностью тенденций.

Данный цивилизационный разлом развивается на фоне очевидного снижения текущей остроты и значимости арабо-израильского конфликта, который, естественно, должен рассматриваться в качестве цивилизационного, поскольку при всех изменениях XX века продолжает устойчивую многолетнюю и некупируемую, как оказалось за счет экономических инструментов, традицию противоборства вокруг транснациональных анклавов Восточного Средиземноморья (Израиль, «Большой Левант»).

Назовем и другие актуальные цивилизационные проторазломы:

- Противостояние буддистской и конфуцианской цивилизационных парадигм и соответствующих моделей социально-экономического развития, начинающее выходить за рамки традиционной экономической конкуренции в Северо-Восточной и Юго-Восточной Азии. Сейчас противостояние носит форму военно-силового противостояния на фоне обострения экономических противоречий. На сегодняшний момент мы наблюдаем переход данного противостояния в фазу военно-силового сдерживания. Этот переход осуществляется обеими сторонами. С точки зрения цивилизационного взаимодействия это противостояние можно считать близким к классическим моделям, при учете относительно низкого темпа развития исторических процессов в данном регионе. Важно также корректно оценивать кажущиеся второстепенными с точки зрения цивилизационных разломов точки локализованного военно-силового противостояния (например, ситуацию вокруг КНДР, а также ставшую хронической внутренней нестабильностью в Таиланде, где присутствует религиозный компонент) с точки зрения противостояния двух цивилизационных парадигм или моделей. Потенциал этого противостояния выходит за рамки отдельных государств, их коалиций и объединений. Важным обстоятельством в развитии данного цивилизационного проторазлома является попытка КНР изменить географические параметры региона путем создания новых территорий (островов). Это говорит о нарастании процессов противостояния и неготовности сторон начать «замораживание» конфликта в существующих географических рамках. Одним из наиболее явных проявлений потенциала данного цивилизационного разлома является управляемо глобализированный конфликт вокруг мусульман рохинджа в Мьянме. Происходит втягивание сопредельных и родственных в этническом плане сообществ в конфликт с экономической подоплекой.

- В увязке с «восточно-средиземноморским» развивается и североафриканский проторазлом, актуализированный в последние годы конфликтами в Ливии, в меньшей степени, расколом Судана, а также постепенным но устойчивым усилением исламского радикализма в Мали и, в целом, в Западной Африке. Этот разлом вносит значительный вклад в обострение миграционной и социальной обстановки в регионе Средиземноморья пока не воспринимается как самостоятельный цивилизационный узел. В перспективе этот узел в силу целого ряда причин может стать одним из наиболее значимых. Этому способствует, как высокий демографический потенциал региона и способность его активного экспорта, так и своеобразные идеологические «конструкты», являющиеся ключевыми идентификаторами сторон в формирующейся системе разлома: суфийский ислам (и его трансисламские дериваты), радикальный ислам (пост-ваххабизм) и африканское христианство («христианская магия»). Потенциально этот регион в наибольшей степени (в том числе и за счет воссоздания местных социальных структур в пространстве постхристианской Европы) способен к «производству» и распространению новой религиозной системы, возможно, в идеологической формате «антисистемы». Эта «антисистема», встраиваясь, в контркультурные противоречия и социальную

атомизацию городских урбанизированных пространств в современной Европе, может превратить «проторазлом» в полноценный и, что важно, эксплицитно деструктивный «разлом». *Требует серьезного переосмысления концепция «городских племен», ставшая одним из концептуальных обоснований допустимости социальной атомизации, применительно к пространству современных сетевых коммуникаций.*

• Цивилизационный разлом в Центральной Азии, о возможности резкой актуализации которого много говорилось в 1990-е, сейчас носит, скорее, не религиозный, а социальный характер. Религиозный фактор, во всяком случае, до настоящего момента, носит вспомогательный характер, хотя и обостряет ситуацию и потенциально может сыграть роль «запала» для долгосрочной нестабильности. Базовый источник данного цивилизационного разлома – долгосрочная нестабильность в Афганистане носит все менее выраженный религиозный характер, оставаясь по большей части традиционного для региона трайбализма, обостренного внешним вмешательством. «Исламский» и, тем более, радикально исламский компонент в этом противостоянии не имеет однозначного тренда к усилению. Важно, что фокус «афганского» узла последовательно сдвигается в направлении Пакистана, выходя за рамки «зоны племен» и текущие проявления этого «узла» носят характер противостояния между трайбалистской, до известной степени, классической для региона, поведенческой и социальной парадигмой, и радикально исламской. Остатки промышленного пред-модерна, на котором базировалась пакистанская государственность в 1960-70-е годы, вытесняются на периферию политических процессов. Происходит очевидная архаизация общественных отношений, отражающая и общерегиональную тенденцию, сдерживаемую, в том числе, и экономическими интересами внешних сил. С учетом сохраняющегося высокого уровня интереса к экономике региона, мы можем ожидать попыток привнесения в него идеологических конструктов и ценностей извне. И не только прозападных, как это было в 1990-х на этапе «догоняющей вестернизации».

• «Кавказский» проторазлом, вероятно, в ближайшей перспективе можно рассматривать как «Прикаспийский». Если такое перерастание произойдет, то можно будет говорить о почти полном восстановлении политических и военно-силовых парадигм XVII-XVIII веков, что для России, да и в целом для государств Новой Евразии будет неблагоприятным. Ключевым фактором остается ситуация в Дагестане, рассматриваемом, как некое лимитрофное пространство, где возможно формирование значимого цивилизационного разлома. Достижением России в последние годы стало существенное сближение региональных социальных стандартов, социальных моделей, а главное – неформализованных «правил игры», с общероссийскими, несмотря на сохранение специфики формирования органов формальной и реальной власти в регионе. Это существенно смягчило остроту противоречий. При сдвиге «проторазлома» в Каспийский регион вызов социальной архаизации неизбежно обострится, что сделает возникновение и институционализацию разлома реальностью. Потенциально конфликтный «пояс» вокруг Каспийского моря с учетом геополитической значимости и ресурсной насыщенности региона (в том числе и логистическими ресурсами) будет иметь глобальное значение и приведет к быстрой интернационализации ситуации с непредсказуемыми последствиями. Особенно учитывая потенциал расширения «зоны нестабильности». Действия руководства России по наведению порядка в Дагестане и стабилизации криминальной обстановки в этом плане выглядят как действие, направленное, в том числе, и на предотвращение эскалации и придания конфликту этно-религиозный оттенок. И в этом смысле рассматриваемое пространство представляет собой классический пример проторазлома, успешно сдерживаемого от перерастания в полноценный разлом тактическими мерами политического и экономического характера.

• Сложный узел этно-социальных противоречий на стыке США и Мексики, активно транзитирующий от модели диффузии и частичной (анклавной) интеграции/социальной конкуренции и заполнения функционального вакуума в противостояние. Для полноценного цивилизационного проторазлома в данном случае не хватает только религиозного компонента. Ситуация начинает явственно выходить за рамки отношений «периферия-полупериферия». Россию и страны Евразии этот потенциальный проторазлом затрагивает только с той точки зрения, что создает новый фокус притяжения ресурсов США, способный существенно изменить соотношение приоритетных векторов их политики. На практике, очевидно, что механизм взаимодействия в зоне соприкосновения США и Латинской Америки но сит существенно более сложный характер и начинает трансформироваться в диффузные (пока еще не гибридные) социальные структуры, в которых классические либерально-постевропейские модели социального взаимодействия уже не обладают полной монополией. Фактически, мы сталкиваемся с проторазломом, проистекающем социально-экономической асимметрии развития, начинающей постепенно эволюционировать в полноценный цивилизационный «разлом», дополнительно обостряемый за счет появления идеологических обоснований. Попытки активного противодействия латиноамериканской миграции со стороны президента США Д.Трампа могут во многом объясняться пониманием со стороны, как минимум, части американской элиты наличия в миграционном вопросе стратегических рисков, проявляющихся через эрозию институтов социального взаимодействия.

Выводы

Во всех случаях, где мы сталкиваемся с потенциальными цивилизационными разломами (проторазломами) ситуация сравнительно быстро выходила за рамки политических противоречий и наполнялась военно-силовым содержанием. Все конфликты, которые можно рассматривать, как часть цивилизационных проторазломов, использовались внешними силами с учетом возможностей использования их потенциала силовой эскалации. Отмечены и активные попытки социального конструирования, вплоть до создания сконструированных сущностей, близких по параметрам к виртуальным реальностям. Важнейший вывод связи с наблюдаемыми нами изменениями может быть сформулирован следующим образом:

В отличие от опыта цивилизационного взаимодействия (противоборства) прошлого, сейчас оно в меньшей степени происходит на демографическом уровне, хотя и этот фактор сохраняет актуальность, особенно в текущей политике. Современные цивилизационные «проторазломы» являются предметом силовой политики и могут частично управляться с использованием силовых методов в рамках модели «гибридных войн».

Другая принципиальная особенность цивилизационных расколов, наблюдаемая в настоящее время: способность втягивать в себя сопредельные территории и сообщества, даже утратившие связь со своей «изначальной» этно-религиозной территорией. Что делает возможные этнические конфликты нелокализуемыми определенными рамками. Это во многом объясняет и феномен «арабской весны», не являющейся, впрочем, в строгой трактовке примером цивилизационного раскола, но развивавшаяся во многом по схожей модели.

Сейчас в условиях хотя бы и затормозившейся глобализации и глобального информационного общества – главным становятся не столько индивидуальные и национальные способности к демографическому воспроизводству, т.н. «коллективный

механизм роста», сколько способность к постоянному воспроизводству определенного рода социальных институтов.

Противостояние «глобальный индустриальный и постиндустриальный город» - «глобальная архаизирующаяся деревня» (развивающегося в социальной парадигме «глобальной информационной деревни») отчасти нивелирует регулятивный потенциал не только глобальной взаимозависимости, но и в целом экономических факторов. Они уже не являются естественными ограничителями архаизации. Рудименты «советскости», легко идентифицируемые почти в любой стране постсоветского пространства, являются, скорее, позитивным, нежели негативным фактором. До конца неясно, насколько этот «страшающий» в экономическом и социальном плане компонент будет актуальным в случае начала практической системной реализации принципов «четвертой промышленной революции», основанной на фактическом демонтаже ключевых компонентов классического индустриализма и социальных отношений эпохи модерна.

Наблюдаемая сейчас атомизация социальных отношений внутри урбанизма (городских пространств взаимодействия, характерных для постмодерна), ставит на повестку дня вопросы структурирования пространства вокруг крупнейших цивилизационных центров, роль которых в трансформации проторазломов в разломы далеко неоднозначна. Мы, вероятно, находимся на этапе кризиса городов, как глобальных интегрирующих центров, отражающего, прежде всего, принципиальное изменение характера отношений «метрополия-периферия» в современном мире. Но в значительной степени также является проявлением кризиса урбанизированной постиндустриальности: форсированное развитие информационного общества на основе интегрированных глобальных коммуникаций в принципе поставила под вопрос статус города, как интегрирующего, в социальном и экономическом плане, центра. А это может существенно трансформировать социальную архитектуру проторазломов и разломов. Центр, фокус подобных социосистем (региональных и локальных проявлений глобальной «метрополии») может стать флюидным и относительно незначительным по масштабам: количеству населению, размеру экономики и занимаемому пространству. Эту тенденцию доказала, отчасти, «цветная революция» в Египте, развивавшаяся на относительно узком географическом и социальном пространстве.

Исключение составляет возможный новый цивилизационный центр в регионе «Большого Леванта», формирующийся в результате стабилизации ситуации в Сирии и общим экономическим и логистическим переформатированием региона.

Цивилизационный разлом проявляется, прежде всего, в сломе социальных институтов, а, как минимум, в замещении одних социальных институтов (условно - «традиционных») другими, отражающими нетрадиционные для соответствующего пространства социальные и поведенческие парадигмы.

Главной задачей в предотвращении дестабилизирующего влияния этих процессов становится сохранение и развитие социальных институтов, построенных на традиционных для Евразии принципах и обеспечивающих сбалансированную многоукладность и многовекторность взаимодействия и развития. Принципиально важным становится сохранение институционального пространства взаимодействия и тех векторов развития, хотя бы и на техническом уровне сохраняющие в общественном сознании интеграционные парадигмы. Причем при сохранении максимальной устойчивости традиционных для России и Евразии социальных институтов и систем власти. Ибо главным вопросом любых цивилизационных идентификационных и самоидентификационных процессов, в конечном счете, является вопрос о механизмах и особенностях реализации политической власти.

Заключение

Тема трансформации статуса межцивилизационного взаимодействия и эскалации противоречий является обширной и исключительно актуальной в силу происходящих в настоящее время глобальных трансформаций и попыток США и некоторых других стран использовать точки межцивилизационного напряжения в интересах текущей политики.

Цивилизационный проторазлом, таким образом, можно определить, как системную асинхронность и асимметричность в развитии, проявляющуюся в соприкосновении качественно различных уровне глобализации в пределах одного операционного пространства, как правило, замкнутого. Транзит от проторазлома к разлому означает в таком случае, институционализацию рассогласования уровней глобализации.

Ключевые исследовательские вопросы могут быть определены следующим образом:

- Каким образом возможный глобальный или субглобальный экономический кризис будет иметь воздействие в пространстве потенциальных проторазломов.

- Каковы наиболее важные факторы, политические, экономические, социокультурные, в развитии проторазломов?

- Каковы критерии перерастания проторазлома в полноценный цивилизационный разлом, сопровождающийся политико-силовыми процессами?

- Насколько в современных условиях проторазломы могут стать предметами информационно-политических манипуляций и насколько подобные манипулятивные процессы могут быть управляемые?

- Каковы качественные индикаторы развития проторазломов, обозначающих эскалацию или деэскалацию процессов.

Принципиальная задача в рамках предлагаемого автором подхода к проблематизации вопроса является выявление внутренних механизмов транзита (эскалации) противоречий в зонах межцивилизационного взаимодействия и анализ влияния на них ситуативных факторов, связанных с современными геополитическими и геоэкономическими трансформациями.

Литература

1. Добряев П. А. «Евразийская интеграция в восприятии населения: некоторые аспекты методологии исследования» // Современные евразийские исследования. Выпуск 3. 2015. С. 37-39
2. Капарова А. Б., Четверикова Ю. Н. «Еврорегионы как инструмент региональной экономики» в Экономика, государство, общество // Электронный журнал студентов и молодых ученых. N2 (17), июнь 2014. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ego.uara.ru/en/issue/2014/02/8/>
3. Капица С.П. Очерк теории роста человечества. Проект «Новые тенденции и явления в мировой политике». М.: ЛЕНАНД. 2008. С. 38.
4. «Китайский политолог: «Кроме экспорта товаров важен массовый экспорт идей и китайских ценностей». Интервью с заместителем генерального секретаря Исследовательского центра «Один Пояс – Один Путь» при Китайской Академии общественных наук, доктором юридических наук Сюй Вэньхуном.// Интернет портал «Евразия.Эксперт» 12 декабря 2017 года. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://eurasia.expert/kitayskiy-politolog-krome-eksporta-tovarov-vazhen-massovyyu-eksport-idey-i-kitayskikh-tsennostey>.

5. Кондаков И. В., Соколов К. Б., Хренов Н. А. Цивилизационная идентичность в переходную эпоху: культурологический, социологический и искусствоведческий аспекты. М.: Прогресс-Традиция. 2011. 1024 с.
6. Коротаев А. В., Гринин Л. Е., Исаев Л. М., Билюга С. Э., Васькин И. А., Слинько Е. В., Шишкина А. Р., Мещерина К. В. Дестабилизация: глобальные, национальные и природные факторы и механизмы. М.: Московская редакция издательства «Учитель». 2017. С. 237-262.
7. Лиддел Гарт Б. Стратегия непрямых действий [пер. с англ.] / Бэзил Лиддел Гарт. М.: Астрель; Владимир; ВКТ. 2012. 508 с.
8. Россман В. Столицы: их многообразие, закономерности развития и их перемещения. М.: Издательство института Гайдара. 2013. 234 с.
9. Сафранчук И. «Трансформация угроз внутренней нестабильности в Центральной Азии» // Индекс безопасности. №3 (110). Том 20. 2014. С. 159-161.
10. Сиражудинова С. В., Саидов А. А., Алигаджиева М. А. Ожидания Дагестана: социально-политические трансформации и элиты: Монография. Под ред. А-Н. З. Дибирова и С. В. Сиражудиновой. М.: Изд-во «Перо». 2014. 196 с.
11. Стиглиц Дж. Цена неравенства. Чем расслоение общества грозит нашему будущему. Пер. с англ. М.: Эксмо. 2015. 512 с.
12. Стратегический сценарный прогноз. Пермский край. Россия и мир. 2030 / А. И. Агеев, общ. редакция. М.: Институт экономических стратегий РАН, РУБИН. 2016. С. 198.
13. Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. Пер. с англ. М.: АСТ, АСТ МОСКВА. 2008. 635 с.
14. Центральная Азия: Взгляд из Индии и России. Под ред. Ю.Бялого. М.: МОФ-ЭТЦ, 2014. 102 с.
15. Цымбурский В. «Дагестан, великий лимитроф, мировой порядок» в Цымбурский В. Конъюнктуры Земли и Времени. Геополитические и хронополитические интеллектуальные расследования. М.: Издательство «Европа». 2011. С. 65-74.
16. Friedman T.L. The world is flat: a brief history of the twenty first century. 1st ed., New York: Farrar Straus & Giroux. 2005. 488 p.
17. Griffiths Stephen Ivan, Nationalism and Ethnic Conflict // Threats to European Security. SIPRI Research Report. №5. New York Oxford University Press. 1993. 136 p.
18. Haas R. How a World Order Ends. And What Comes in Its Wake // Foreign Affairs, January/February. 2019. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.foreignaffairs.com/articles/2018-12-11/how-world-order-ends?cid=int-nbb&pgtype=hpg>.
19. Huntington S. P. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order / Samuel P. Huntington. New York: Simon & Shuster. 1996. 366 p.
20. Kaplan Robert D. «The Anarchy that Came» // The National Interest, October 21, 2018. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://nationalinterest.org/feature/anarchy-came-33872>.
21. Watters E. Urban Tribes. Are Friends the Bew Family. New York: Bloomsbury. 2004, 224 p.

Evstafiev D. G.

Globalization and new civilizational faults: risks and prospects for Russia and Eurasia

---

Higher School of Economics, Moscow

e-mail: estd1212@yandex.ru

Abstract. *Slowdown of the globalization especially in the aligning of the social standards creates conditions for bringing civilizational conflicts to the surface. It is premature to speak about formation of the full-scale civilizational fractures, though the borderlines are being outlined now. The civil war in Syria noticeably fastened the formation of such fractures and showed the mechanisms for their development. That makes considerable impact upon the New Eurasia. The structure and mechanisms of development of these proto-fractures differ substantially from those analyzed and formulated before in fundamental studies. They include substantial factors that are results of developments in modern global political and economic system. The major factor in development of civilizational proto-fractures though is evolution of the nature of social institutions and social links. That aspect is extremely important for the interests of Russia as well as for the socio-political developments in Eurasia.*

Keywords: *Civilizational fracture, military-political developments, cross-cultural interaction, social institute, Eurasia, social archaization, integration processes.*

References

1. Dobryaev P. A. «Evrazijskaya integraciya v vospriyatii naseleniya: nekotorye aspekty metodologii issledovaniya» // *Sovremennye evrazijskie issledovaniya*. Vypusk 3. 2015. С.37-39. (in Russian).
2. Kaparova A. B., CHetverikova YU. N. «Evroregiony kak instrument regional'noj ehkonomiki» v *EHkonomika, gosudarstvo, obshchestvo* // *EHlektronnyj zhurnal studentov i molodyh uchetnyh*. N2 (17), iyun' 2014. [Electronic resource]. URL: <http://ego.uapa.ru/en/issue/2014/02/8/>. (in Russian).
3. Kapica S.P. *Ocherk teorii rosta chelovechestva. Proekt «Novye tendencii i yavleniya v mirovoj politike»*. M.: LENAND. 2008. S.38. (in Russian).
4. «Kitajskij politolog: «Krome ehksporta tovarov vazhen massovyy ehksport idej i kitajskih cennostej». Interv'y u s zamestitelem general'nogo sekretarya Issledovatel'skogo centra «Odin Poyas – Odin Put'» pri Kitajskoj Akademii obshchestvennyh nauk, doktorom yuridicheskikh nauk Syuj Vehn'hunom.// Internet portal «Evraziya.EHkspert» 12 dekabrya 2017 goda. [Electronic resource]. URL: <http://eurasia.expert/kitayskiy-politolog-krome-eksporta-tovarov-vazhen-massovyy-eksport-idey-i-kitayskikh-tsennostey>. (in Russian).
5. Kondakov I. V., Sokolov K. B., Hrenov N. A. *Civilizacionnaya identichnost' v perekhodnuyu ehphu: kul'turologicheskij, sociologicheskij i iskusstvovedcheskij aspekty*. M.: Progress-Tradiciya. 2011. 1024 s. (in Russian).
6. Korotaev A. V., Grinin L. E., Isaev L. M., Bilyuga S. EH., Vas'kin I. A., Slin'ko E. V., SHishkina A. R., Meshcherina K. V. *Destabilizaciya: global'nye, nacional'nye i prirodnye faktory i mekhanizmy*. M.: Moskovskaya redakciya izdatel'stva «Uchitel'». 2017. S. 237-262. (in Russian).
7. Liddel Gart B. *Strategiya nepryamyh dejstvij [per. s angl.]*/Behzil Liddel Gart. M.: Astrel'; Vladimir; VKT. 2012. 508 s. (in Russian).
8. Rossman V. *Stolicy: ih mnogoobrazie, zakonomernosti razvitiya i ih peremeshcheniya*. M.: Izdatel'stvo instituta Gajdara. 2013. 234 s. (in Russian).
9. Safranchuk I. «Transformaciya ugroz vnutrennej nestabil'nosti v Central'noj Azii» // *Indeks bezopasnosti*. №3 (110). Tom 20. 2014. S.159-161. (in Russian).
10. Sirazhudinova S. V., Saidov A. A., Aligadzhieva M. A. *Ozhidaniya Dagestana: social'no-politicheskie transformacii i ehliny: Monografiya. Pod red. A-N. Z. Dibirova i S. V. Sirazhudinovoj*. M.: Izd-vo «Pero». 2014. 196 s. (in Russian).

11. Stiglic Dzh. Cena neravenstva. CHem rassloenie obshchestva grozit nashemu budushchemu. Per. s angl. M.: EHksmo. 2015. 512 s. (in Russian).
12. Strategicheskij scenarnyj prognoz. Permskij kraj. Rossiya i mir. 2030 / A. I. Ageev, obshch.redakciya. M.: Institut ehkonomicheskijh strategij RAN, RUBIN. 2016. s.198.
13. Hantington S. Kto my? Vyzovy amerikanskoj nacional'noj identichnosti. Per. s angl. M.: AST, AST MOSKVA. 2008. 635 s. (in Russian).
14. Central'naya Aziya: Vzgljad iz Indii i Rossii. Pod red. YU.Byalogo. M.: MOF-EHTC. 2014. 102 s. (in Russian).
15. Cymburskij V. «Dagestan, velikij limitrof, mirovoj poryadok» v Cymburskij V. Kon"yunktury Zemli i Vremeni. Geopoliticheskie i hronopoliticheskie intellektual'nye rassledovaniya. M.: Izdatel'stvo «Evropa». 2011. S. 65-74. (in Russian).
16. Friedman T.L. The world is flat: a brief history of the twenty first century. 1st ed., New York: Farrar Straus & Giroux. 2005. 488 p. (in English)
17. Griffiths Stephen Ivan, Nationalism and Ethnic Conflict // Threats to European Security. SIPRI Research Report. №5. New York Oxford University Press. 1993. 136 p. (in English)
18. Haas R. How a World Order Ends. And What Comes in Its Wake // Foreign Affairs, January/February. 2019. [Electronic resource]. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/2018-12-11/how-world-order-ends?cid=int-nbb&pgtype=hpg>. (in English)
19. Huntington S. P. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order / Samuel P.Huntington. New York: Simon& Shuster. 1996. 366 p. (in English)
20. Kaplan Robert D. «The Anarchy that Came» // The National Interest, October 21, 2018. [Electronic resource]. URL: <https://nationalinterest.org/feature/anarchy-came-33872>. (in English)
21. Watters E. Urban Tribes. Are Friends the Bew Family. New York: Bloomsbury. 2004, 224 p. (in English)

Поступила в редакцию 02.02.2019 г.